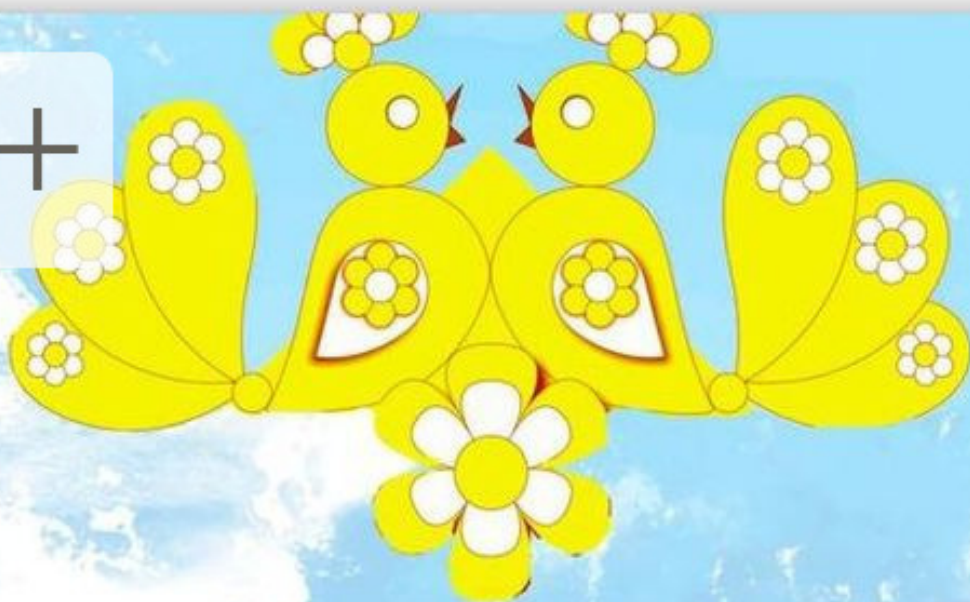

18+

Писательский клуб
«Альманах»

Русь в перьях

Победители

Алия Латыпова

Русь в перьях. Победители

«Издательские решения»

Латыпова А.

Русь в перьях. Победители / А. Латыпова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988788-7

Писательский клуб «Альманах» приглашает Вас познакомиться с невиданными историями, созданными в рамках литературного авторского проекта. На страницах сборника «Русь в перьях» Вы увидите пронизанное лазурью небо, полюбуетесь на золотую бахрому пшеницы, окунетесь в изумрудную прохладу лесов, вдохнете свежесть земли раздольной, родной Руси-матушки златоглавой! Ощутите вместе с нами медовый вкус русского фольклора, пригубите чашку сказочной бражки, почувствуете силы богатырские!

ISBN 978-5-44-988788-7

© Латыпова А.
© Издательские решения

Содержание

Галина Фомаиди	6
Дарья Рыжова	14
Елена Калинина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Русь в перьях Победители

Текст, пунктуация и орфография авторов сборника сохранены без изменений.

Составитель Алия Латыпова

Составитель Наталия Смирнова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8788-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Галина Фомаиди (@hishnitsa_neba)

У КУПАЛЬСКИХ КОСТРОВ

Как настала ночка Купальская, закрутились хороводы веселые. Как сплелись венки вокруг пышные, в воды быстрые опускались все.

Среди девушек, как былиночка, у реки широкой маячила. Девка тихая да пригожая. И Чарушей ее все кликали.

И веночек ее дальше всех уплыл, по быстрине самой, в середочке. Значит быть женой той Чарушеньке. В девках быть подошел уж срок.

Был ей мил давно один молодец, что сиял в селе, будто солнышко. Все за ней ходил, как привязанный. Обещал всю жизнь лишь ее любить.

Горисветом его прозвали все. Восхваляли и любовались им. Кто-то с радостью, а кто с завистью на их пару в воде поглядывал.

Возгорелись костры высокие, взялись за руки парни с девками. Через пламя жаркое прыгать начали.

Протянула ладонь Чарушенька, да глядит, себе пару новую выбрал Горисвет. Черноокою, языкастую и смешливую.

А стоит, Горисвет, вроде рядом с ней, но уже не она возлюблена. И не ей слова ласковы говорит всё ее милый до сердца.

У Чаруши в глазах потемнел весь мир. Сердце девичье впредь осмеяно. И бежать бы ей, только некуда, лишь костёр пред ней, черный дым валит.

Вот и очередь Горисветова. Руку крепкую к небесам поднял. Засвистел молодецким посвистом, зашушукались старики вокруг:

«Не свистел бы ты на Купалу, друг. Не гневил Стрибога с сыночками. Налетят на нас – не укроемся, за вихры таскать дружно примутся.»

Да махнул на всё Борислава сын. С девкой черною над костром смеясь. Пуще прежнего заливается, соловьем свистит на округу всю.

А Чаруша же в стороне стоит, слезы крупные по щекам текут. Уж и рада б была ветру сильному, за нее, горькую, заступившемуся.

Вот пора и ей прыгать над костром. Разбежалась с горы Чарушенька, что черемухи весной цвет, бела. Закричала и в угли прыгнула.

Только в этот миг засвистел вокруг, ветви гибкие в жгут сплетаючи, Посвист, рьяный Стрибога сын. Подхватил деву из жаркого полоня.

Как стоял Горисвет, так и занялся. На него костер перекинулся. А Чарушенька, будто не было, в небесах ночных вдруг растаяла.

Старцы молвили, что женою стать Посвисту теперь уготовано. Горисвету же впредь рябым ходить, в память о подлом предательстве.

За бесчестный путь, за злой умысел наказание ждать не заставило. И раскаянье поздним стоном ввысь не исправит ничью судьбинушку.

КАК ТРИ БОГАТЫРЯ ВСТРЕТИЛИ ЗВЕРУШКУ ЛАСТУШКУ, В БИТВАХ ПОМОГУШКУ, НЕЧИСТЬ ПОГРЫЗУШКУ

Как леса-то, леса бескрайние,

Как болота вокруг зыбучие,
Да, как тропки-то все заросшие,
Да дороги-пути не хожены.

В стародавние, слышь-ка, времена,
Что не помнят деды да прадеды,
На Руси, на родной сторонушке
Богатырский дух веял силою.

Ай, Алешенька, да Попович был,
Ай, Илюшенька-свет-то Муромец,
Да Добрынюшка, что Никитич-то,
Богатырские те, брат, силушки.

Нечисть всю, что была, повывели,
Не, повывели, так прогнали всю,
Раздобрели, дела забросили,
Те, что ратными называются.

В те години, години тихие,
Родилась под рекой Смородинкой
Нечисть дикая, нечисть темная,
Крепла, мощь копила невиданну.

Как вошла нечисть в полну силушку,
Потекла змеею невидимой,
Где пройдёт, рвы разроет глубокие,
Что не видно их дна-то доньшка.

Поднимались на дело ратное,
Богатырики наши знатные,
Только удаль вся расплескалася,
Позабылась среди дел хозяйственных.

Добрались добры три дружинника,
Добирались как, так отдельный сказ.
Вот и ров на глазах расплзается,
От чего, и не знамо, не ведомо.

И рубились они, кто палицей,
Кто копьем колол да вокруг себя,
Кто мечом махал, только попусту,
Так и рухнули все под землюшку.
Долго падали, свет не виден стал
Красна солнышка, малой звездочки.
Уж и с жизнью все прощались,
Да с друг дружкой перед смертушкой.

Сколь летели, того не ведомо,

Набазлались уже и выпались.
Только снова дремота смежила,
Ясны очи, как в ветви рухнули.

Вот спустились они с деревьев все.
Нет дорог вокруг, даже тропочки,
Ни комарика, ни лягушечки,
Птицы голос, и тот, не слышится.

Топь упругая, топь зыбучая,
По краям болот стены ровные.
Как теперь, горемычным выбраться?
Богатырский урок свой выдюжить?

Порешили, по кочкам прыгая,
Поискать путь наверх покатее,
Чтоб не сгинуть во тьме от голода,
Так бесславно свой путь окончивши.

Так и прыгали, пока прыгалось,
Пока ножки еще сгибались,
А потом ползком между тиною,
Знать, жирок держал на поверхности.

Снова кочка пред ними выросла.
Забрались все втроем, не думая,
Что ведь кочка уж больно плоская,
Больно плоская, да шевелится.
Огляделися – будто травушка
Шелковистая, мягким ковриком.
Пожевать ее б, да не выдернуть,
И не выдернуть, и сорвать нельзя.

Вдруг у кочки глаза распахнулись.
Богатырский страх – сердце ёкнуло.
А иначе как, коль глазенки те,
Меж травы сверкают, ворочают?

Рубануть б мечом, да потерян он,
Так и палица где-то канула,
И копье давно на болота дне.
Кулаки лишь только остались.

Размахнулся тут из последних сил
Богатырь Илюшенька Муромец,
Да открылся рот меж его сапог,
Слова молвить стал человечие:

«Ой, вы гой еси, добры молодцы?»

Разве так мою помощь вы цените?
Что сидите тут отдыхаете,
Кулаками меня бить удумали?»

Застыдились тут все три молодца,
Застыдились, да все раскаялись:
«Ты прости нас, прости! От незнания,
Кто ты есть, да чего здесь делаешь?»

Отвечала им кочка глазастая:
«Я – ластушка, подземная невидаль.
Под землю живу я в болотинах,
Да раскрыла мой мир нечисть темная.
И теперь мне б на свет белый выбратся,
Чтобы нечисть-обидчицу выловить.
Только лапы к земле не способные,
Им родимый дом – топь эта жидкая.»

Понесла богатырскую троицу,
Та зверушка ластушка меж тиною.
Донесла до пологого берега,
Да на руки на их запросилася.

Тяжела была ноша невиданна,
Без нее ж с темной силой не справится.
Много дней вверх по склону карабкались,
Пока к белому свету не выбрались.

Вот бредут-то Алеша с Илюшенькой,
Да Никита с ластушкой на рученьках,
А земелюшка вся перепажана,
Рвами взрыта, вся исковеркана.

И не видно нигде нечисть темную,
От которой земля расползается,
Лишь зверушка глазищами лупает,
Тянет тяжестью жилы уставшие.

Вечер темный на Русь вновь накинута,
Уж и спать-почивать приготовились,
Как в дали новый ров обозначился,
Стрелой быстрой к друзьям он направился.

Попросилась зверушка на землю тут,
Пасть открыла свою необъятную.
Только хруст, будто косточки мелкие,
Меж зубов у нее попадалися.
Так не стало невидимой нечисти.
Стали рвы, словно раны, затягивать,

Лишь успела зверушка ластушечка
Прыгнуть вниз, до болот под земелькою.

А к утру, как взошло красно солнышко,
Будто все, что случилось – не было.
Да на том старина-то и кончилась,
Чтоб ее мы сейчас так припомним.

О ПОЯВЛЕНИИ РУСОВ НА МИДГАРДЕ

Народилось солнце в тьме кромешной,
Тьму тугую светом озарило.
Завертело колесо неспешно
Бытия, даруя свою силу.

В солнца круге, как клубочки пряжи,
Намотали жизнь молодые земли.
Только ветер прошлое расскажет,
Ты ему всем сердцем своим внемли.

Солнце – жизнь, рожденное из смерти.
То творец, вершитель бранных судеб,
Его перст пути всему начертит,
И созданьям будет неподсуден.

Среди всех, танцующих у солнца,
Больше неги лишь одной досталось
Пряжа соткалась ей там в суконце,
И ковром прекрасным разрасталась.

Мидгард нареклась планета третья,
Солнце то Ярилой называлось.
Суша меж морской синей веретви,
Лишь пустой земля та оставалась.
Так прошли лета своей чредою,
Сто по сто столетий пролетело,
И рыдал над рощею пустою,
Одинокий вихрь ошалело.

Но отцом, творцом и мудрым богом,
На ладье крылатой с чуждой тверди,
Отправлялись люди в путь-дорогу,
Из другого мира круговерти.

Так на Мидгарде в лучах Ярилы
Появилось сердце человечье,
И природы силы покорило,
Чистой и благою своей речью.

Были Сытиврат, да Лад и Лада
Макошь, Велес, солнце наречавши,
Белобог и дочь его, Светлуша,
Жизнь людскую в Мидгарде зачавших.

Родились так Лель с сестрою Лелей,
Кродо и Сварог, на свет явились,
Вий, Марена, Жива в спышке белой,
И собою Мидгард осветили.

Дальше дети их родили внуков,
Русами назвалось это племя.
Колыбельными свой род баюкав,
Восхваляли предков своих время.

Шли лета и места стало мало,
В тех краях, что Русью величались.
Племя русов разбредаться стало,
Множа своей памяти печали.
И с других твердынь сойдясь богами,
Свои корни вовсе позабыли,
И себя уже теряли сами,
Средь чужих преданий изобилья.

Впредь скажу, что распрями, войною,
Прежнего пути стиранья пеплом,
Когда тьмы тем лет скрылись иною,
Русь и род ее совсем ослепли.

Дальше все исписано не мною.
Точку в сей я летописи ставлю.
И дрожа столетнею рукою
Пращуров-богов своих прославлю.

ПРИЗРАЧНОЕ МАРЕВО

Ой, сторонушка родная,
Солнышком согретая.
Всех в своей округе знаю,
С разными приметами.

Как в селе одном далёком,
Под дождем все греются,
Ходят задом, ходят боком,
Ночью сеют сеянцы.

Там скотинушку не поят,
Поливают лейками.
В банях моются метлою,

Мылятся копейками.

Деревенька же другая
У реки большой стоит.
Рыбу там народ скупает,
Да в реке своей солит.
Там в невестах бабки ходят,
Девочек все сторонятся.
Валенки по лету в моде,
С шубой следом гонятся.

В моем хуторе все проще —
Тучи ловим ситами,
Вывесим на ветки в роще,
Чтобы быть нам сытыми.

Если ты собрался в гости,
Примем оплеухой,
Вычистим до блеска кости,
Споим брагой тухлую

Вот сторонюшка родная,
Яркая да звонкая!
Много я насочиняю,
Дрова на крыше комкая.

УМИЛ

Жил в деревне мальчишка. Были у него родители. Работой не замученный, любовью обласканный, на доброе слово отзывчивый. Среди других не верховодил, но и в обиду себя не давал. Вроде, обычный но, как начнет сны свои рассказывать, все дивятся. Чудные сны снились Умилу.

Так и бежали лета его, между сном и явью. Родители старились, девки стороной обходили. Хоть и стал парнем видным, а из-за снов побаивались, будто юридивого.

По-началу не печалился сильно Умил, только и в возраст вошёл, а всё один. Когда ж родителей не стало, да ровня вся переженилась, деток нянчить взялась, так закручинился. Худо одному жизнь коротать. Округу обошёл, невесты не нашёл себе. Какая девка, если и не против, так родители от ворот гонят. Решил он где бы ни было, найти жену себе. Забил ставенки, повесил на двери замок и пошел по белу свету скитаться.

Хуторки сменялись деревушками, деревушки – селами, села городами... Не везло парню. Уж не одни лапти стоптал, ни один посох обломал.

Домой повернул, да нагнала в дороге его ночка темная. Прилег он под кустом придорожным и приснился сон ему, как шел по тропке через лес, а впереди избушка, выглянула из нее девица-красавица... Тут ухнул филин над головой, прогнал дрему. Проснулся Проснулся Умил, решил, что это и есть невеста его суженая. Утра дождался, как солнышко позолотило верхушки деревьев, уже и на тропку с дороги сворачивал, что в лес уводила.

Долго шел. Стал тёмн лес. Корни дыбились, ветки за вихры хватали. Из сил выбился Умил, упасть готов был, да увидел, в сторонке полянку, на полянке избушку, как во сне.

Выбрался Умил из чашобы, у распахнутой двери девица стоит, рукой машет, чтоб подошел к ней.

Ему и приглашения не требовалось, сам побежал, откуда силы взялись!

– Здравствуй, добрый молодец! Ищешь что, иль бежишь от кого? – спросила красавица.

– Здравствуй, девица! Не бегу никуда, а ищу невесту себе, что полюбит меня таким, каков есть, – отвечал ей Умил.

– Что ж, а в моей избушке как раз, хозяина не хватает! Оставайся, будешь мне мужем, сердцу милым.

Парень и рад. Так и остался мужем девице. День прошел, второй прошел. Почувствовал парень, пропадают силы его после каждой ночи, да сны совсем не снятся. Будто в яму проваливается до утра самого.

Решил прогуляться на третий день Умил. Пошел в лес, и уснул там. Тут сон ему и приснился: большая птица черная распахивает крылья над ним, да клюет, пьет его кровушку.

Проснулся парень, догадался, что не простой сон это был, а вещий. Вскочил Умил, да бежать, только слышал, как крылья за спиной хлопали, клюв щелкал. Вот и море перед ним. Нырнул в пучину, пока в глазах не потемнело. Как открыл, глядь, хоромы, а на крыльце девица, еще краше первой. Спросила она, бежит от кого или ищет чего.

Рассказал Умил, что ищет невесту. Позвала девушка его к себе жить, мужем быть. Согласился Умил. Вот первая ночь пришла. Не снятся сны парню. Вторая ночь пролетела. Чувствует Умил, ум мутнеет его. Вроде знает, а вроде и не знает ничего. Пошел он по морскому дну, задремал под водорослями. Приснилось: мурена острозубая кусает, куски отрывает. Проснулся, поймал черепаху, взгромоздился на спину. Плыл, да слышал, как позади зубы клацали. Вынесла черепаха на берег. Побрел Умил, ум по крохам собирать, да силушку.

Увидел норку, змейку серую. Замахнулся на нее Умил, а змейка заговорила вдруг:

– Что ж ты, парень, злобу расточаешь? Ведь не тронула тебя.

– Знаю я вас, зверье подколенное! Искал невесту по свету, в первый раз нашел – птицей черной оказалась, силы мои пила, еле ноги унес. Другую нашел, муреной обернулась, разума чуть не лишила! Ты в девицу обернуться не успела, а всё одно!

– Ты не спеши. Нельзя с насоку судьбу свою решать. Если суженного искать, то на всю жизнь. Ступай домой. Коли захочешь, чтоб женой стала, найди зуб змеинный, сделай свистульку из него. Посвистишь, явлюсь.

Плюнул под ноги себе парень, вместо благодарности, да пошел по тропе.

Зажил по-старому. Да только еще тоскливей стало. Решил он, что хоть змейка пусть, а живет с ним. Еле весну дождался, как сошел снег, пошел зуб змеинный.

Народ посмеивается: «Чудо-юдо деревенское!»

Вот и купальская ночь пришла. Все цвет папоротника ищут, а Умил зуб змеинный. Нашел под прошлогодней листвой. Смастерил свистульку. Дунул в нее, смотрит, трава-мурава на дворе шелохнулась, поднялась из нее змейка, в девицу превратилась. Не красавицу, а лицом милую.

Так и поженились они. Много лет прожили, детишек вырастили

Дарья Рыжова (@ryzhova5590)

ВСТРЕЧА БЕДОВАЯ

Костёр ласково потрескивал ольхой. Звёздное небо расплескало молоко на гладь озера. Шумная компания разбрелась по палаткам. Двум подругам не спалось. В душную июньскую ночь их так и манила свежесть водной стихии. Только девушки направились в сторону берега, в решимости искупаться, как со стороны чернеющего на горизонте сельского погоста всполошилось каркающее вороньё, и отделилась тень.

Согбенная фигура приближалась. Когда она поравнялась с костром, в отблесках огня подруги смогли разглядеть иссушенную старуху, с прозрачными глазами и смоляной косой. На голове мерцал изумрудными переливами папоротник, вплетённый в венок из сухих веток и пожухлых трав. Шлейфом за ней тянулся аромат луга, леса и земли. Подруги застыли в исступлении, боясь пошевелиться.

Незваная гостья направлялась напрямик к озеру. Она подошла к кромке воды, выпрямилась мощной струной и словно расцвела. Распустила волосы по ветру, сняла венок, воткнула в центр горящую щепу и запричитала:

– За лучиною кручина уплывай вдаль. Моя светла молодость ворочай. Мои слёзы девичьи не прощай. Из русалочьего плена любо – милого встречай. Беду с Марою на капище венчай, привечай. – Пропела и вдруг поплыла статью, преломилась, навалилась на костыль и скукожилась. Зыркнув в застывшие от страха гримасы, усмехнулась: – Девки, не советую чресла полоскать в ночь на Ивана Купалу. Прикройте срам и послушайте выдавшую виды бабку. – Старуха уселась на поваленное бревно, достала самокрутку, раскурила и затянула предание: – Давным давно, когда ещё Владимир не топил честной люд в водах Днепра и не ставил на нём крест, жили в этом селении юноша Беда и возлюбленная его Мара. Дело к свадьбе шло. И вот в окаянный праздник Солнцестояния ретивые пары через костёр сигали, узы на прочность проверяли. Прыгнули и Беда с Марой, да расцепились ладони. Опалила Мара белы ступни до черна, Беда душу спалил до безумия. В ту же ночь поманила русалка юношу папоротником колдовским да чешуёй золотой, пленила очами мутными да речами коварными. Канул он в пучину за нечистью поганую. Лишь рубаха у затона осталась. Честная молва ведьмою величать стала Мару за то, что не прошла проверку пламенем, не уберегла милого. Взыла Мара люто и в лес жить ушла. Горемычная тайком травку собирала, в росе умывала да заклинания шептала. А ровно через год выследили её сельчане за совершением обряда приворотного, когда глаза гадюки белой ниткой прошивала и в рубаху исподнюю вплетала. Скрутили её люди добрые, да забили камнями до смерти. Вернулся Беда на зов суженой из трясины да не застал. С тех самых пор в самую короткую ночь выходит Беда со дна илистого и ищет свою ненаглядную. Всех, кто попадаете ему на пути с именем созвучным, за собой влечёт.

Незнакомка замолкла. Сквозь звенящую тишину послышался всплеск, шорох камышей и сдавленный стон ветра в кронах деревьев.# Старуха приложила палец к губам и зашипела, в упор глядя на одну из подруг:#

– Шшшшш... Мара?#

– Я Марина, – выдавила девушка.#

Ночная гостья захохотала и поковыляла прочь.

Подруги, как истуканки, всматривались в линию горизонта, где призрачной дымкой мелькнул мужской силуэт. Марина сбросила кеды и замороженно направилась к озеру.

Плотная, чёрная толща воды поглощала её ступни, щиколотки, бёдра. Призрак скользил по поверхности увлекая девушку всё глубже.

БОГАТЫРИ И НЕВИДАЛЬ

Зазвездилось небо зимнее.#

Замела метель пути, дороженьки.#

Вороги да захватчики, что на землю русскую испокон веков покушаются, вышли все да успокоились.#

Не суют свой нос на Русь заснеженную, в спячку впали.#

Впали так, что не добудишься и коврижками не заманишь их.

По домам сидит люд честной.#

Люд честной да добры молодцы.#

Вот Алёша, что попович сын, по дивчинам бражничает с небылицами о любви да о верности.#

Там Ильюша седой Муромец на печи лежит. На печи лежит, не шелохнется.#

Вон Добрыня Никитич возле мамки сидит. Возле мамки за юбку держится.#

Скучно богатыри живут да печалются, нечем удаль унять молодецкую, тяжело найти зимой себе занятие.

Кинул клич Владимир Ясно Солнышко, объявил богатырский сбор.#

Возжелал Великий князь поохотиться.#

Поохотиться да покуражиться.#

Слух прошёл, что появился в Киеве зверь невиданный.#

Зверь невиданный, несслыханный, но явно тронутый.#

Валит скот да девок трогает эта Невидаль, по лесам и по болотам кочевряжится.#

В ночи хрюкает, словно лютый веприще, днями на крестьян в полях кидается.

Пред охотой решено попариться: прогреть косточки да печаль прогнать, развеять горестями заморскими да зельем пенистым.#

Встретились богатырюшки в предбаннике, ударились чарками, да на грудь горячку, вздрогнув, приняли.#

Разогнали хмель по жилам буйно вениками, опьянели в хлам да спать отправились.

Только зарево рассветное свод небес окрасило, провело ладошкой розовой, богатырюшки на подвиги собрались.#

Подпоясались, по коням взобрались да на большую головушку в путь тронулись.#

Кто-то скачет, кто плетётся в след: спотыкаются, чуть не падают.

Долго ли кружили, коротко ли, сквозь туман и хворь пыхтение услышали.#

Услышали да испужались.#

Зверь невиданный рядом прятался, за лощинами и кочками скрывался да пыхтел.#

По следам и топоту на вепря схож, а по вою вупырь вылитый.

Тут не выдержал Добрыня, рыкнул зло:#

– Эй ты, нечисть шумная, окаянная!#Ты почто людей пугаешь да не кажешься?#Выйди в свет, открой забрало, лик яви!#Потолкуем мы с тобою ласково,#коль откажешься, истребим тебя: затопчем, на костре сожжём да останки пустим по ветру.#

Только вупырь стонет оборотнем, воеет призраком да травой шуршит.

Вдруг болота и топи зачавкали да захлюпали.#

Небо кашей студенистой сгустилось, загремело громом, раздулось.#

Смрад похмельный в воздух поднялся.#

Откуда не возьмись змий зелёный сквозь хляби показался.#

Показался, что нарисовался, аки изумрудный ящер.

Тут уже Алёша взъерепенился. Взъерепенился да подбоченился, #дунул в ус Илье Муромцу и плашмя упал. #

А Илья спокойно спал в седле да посапывал. #

Змий вздохнул, дыхнул да спалил осоку над болотами вместе с выпырем. #

Жалко стало ему молодцев, зеленее его они выглядели. #

Пожалел да восояси отправил их – выпасться.

Радостно встречал богатырей Владимир Мутно Солнышко. #

Перебрал он давеча мёда полусладкого и не вышел на охоту из покоев. #

Предложил здоровьице поправить молодцам. #

Переглянулись богатыри со змием, их цветным спасителем, передёрнулись. #

Отказались от соблазна, трезвость выбрали да спать пошли.

ЛЕТОСКАЗ О НЕЧИСТОМ ПЛЕМЕНИ И ДОБЛЕСТНОМ ВОЕВОДЕ ЛЮБОМИРЕ

По правому берегу Рось-реки, на границе плодородных земель и разнузданных степей град-слобода стоял. Россичи воздвигли сей оплот для защиты всего рода славянского от захватчиков. Жили за высоким частоколом лучшие воины. Сызмальства искусство ратного боя с молоком матери впитывали, и в бесстрашии воспитывались. Умели по-птичьи щебетать, по-волчьи выть, по траве в просторах родимых ориентировались. Воевода Любомир тем градом разумел.

В то лето тяжко пришлось Россичам. В лесах за Рось-рекой племя поселилось непрошеное. Племя чёрное, пострашней хазар и прочих врагов, упыриное.

Распугала сила страшная всю тварь дикую. Согнала с мест насиженных туров, коней, лисиц степных. Разогнала с мест родных птиц вольных и гадов ползучих. Даже волки, падалью негнушающиеся, прочь подались.

Разбушевчалась нечисть неуспокоенная, вонь гнилостную по лугам мирным расплескала. Добралась до владений Россичей: скот морить и пить кровушку люду доброму, в ночи спящему, повадилась.

Воспротивились Россичи-славны воины раздолью гнусному. Отправил воевода Любомир дозорных на разведку в ночь, да пропали дозорные. Войско следом пустил, и оно не воротилось, как сквозь землю сгнуло. Собрал тогда лютых воинов, выждал время, когда перед рассветом вся нечисть натешится сполна да ослабнет, и в путь снаряжился, заручившись в помощь прозрачной рассветной дымкой.

Переправились они через дремную Рось-реку. Навстречу из непролазного подлеска тени скользкие да коряжистые встали стеной: упыри, вурдалаки да оборотни. Вой протяжный затянули так, что кровь у живых забурлила да ушами пошла. То не звериный вой стоял, стон душ покалеченных.

Неравный выдался бой: густы и смолены леса русские, слаб народившийся луч солнышка, а нежить сильна и мстительна. Заманивали упыри в чашобы, хлестали ветвями, очи страхом застлала. Впустую слобожане мечами воздух смрадный рубили, копьями кололи; окружило их племя горемычное.

Не сдался воевода, приказ отдал обратить орудия древом вперёд, и бить противника рукоятью осиновой. В самую сердцевину морока ударило войско, и развеялось чудище.

Как только солнце верным свечением в чашу прокралось, собрали Россичи из-под каждой кочки да канавы, из оврагов да зарослей косточки человеческие и в слободу доставили.

Взвились погребальные костры до небес, землю жгли, души мятежные огнём очищали. После на пепелище цветы невиданной красоты расцвели.

КАК ЛЯЛЯ НА БОЛОТО ЗА БЛАГОДАТЬЮ ХОДИЛА

Бились две зазнобы до полусмерти, только чресла яростные над болотом мелькали. Визг стоял на всю сказочную околицу. За добра молодца патлы друг другу драли. Остановились, чтобы отдышаться, глядь – сгинул молодец.

Три дня и три ночи тому воротясь.#

~~~#

На опушке леса красота жила чудная, Ляля. Ликом благолепа, да челом светла, как вода студёная. Глаза прозрачны, аки гладь озера, мысли до чиста прибраны. Лишь улыбка уст хрустальных не касалась, а рученьки труда не ведали. Замуж всей душой рвалась девица.

В соседней деревне богатырь жил, Лука. Лукавый да потешный. С палицей по окрестностям шатался, девок дивил, да шутки – прибаутки распускал. За нрав смешливый каждая молодуха его в мужья прочила, но положила око на Луку Ляля, словно вето наложила.

Беда случилась однажды – не пришёл на встречу суженный. Слух прошёл, что поселилось чудище на болотах в сказочном лесу: каждое утро ангельским голосом песни приворотные напевала, с темнотой молодец в трясину смехом заманивала. На Луку погань позарилась. Ляля в сарафан парчовый облачилась, в косу ленту вплела и на поиски милого отправилась.

Сутки шла красна девица, распотелась вся. Закатилось солнце за горизонт, вместе с сумраком чаща непроходимая показалась, и терем резной. Дубы – великаны дорогу в лес грудью корявой преградили, ветвями ощерились. Решила путница в терем на огонёк заглянуть. Ягиня в хоромашках разговлялась, косточки глодала, лес заповедный от люда невежественного берегла.

Почуяла хранительница гостью непрошеную на пороге, втянула воздух ноздрями и закашлялась:#

– Тьфу ты, русским духом смрадит. Кто трапезу посмел нарушить, воздух испортить? По нужде пожаловала али жить надоело?#

– По нужде, – запричитала Ляля, – любый пропал. Помоги, Ягиня, соколика найти.#

– Слыхала я, Горын намедни потеху затевал, зелье мутит, гостя привечал. К нему тебе идти надобно, но дорогу укажу, если в светёлке приберёшься.

Насупилась Ляля, где это видано, чтобы красота руками холёными пол мела, но жажда замужества сердце сушила. Засучила рукава, вооружилась веником да пошла пыль из угла в угол гонять. С первыми петухами да мозолями метла смахнула последний сор, подхватила девицу и взвилась в окно. Утварь лётная покружила в поднебесье и на курс к логову Горына легла.

Весь день и последующую ночь Ляля на метле за облаками и тучами летала, к рассвету заземлилась возле вертепа подземного. Вокруг царил бедлам и запустение: кадки и жбаны пустые по двору громыхали. Внутри пещеры на прелой листве восседал Горын, хмарился. Головы гудели и шарились по крынкам в поисках родниковой водицы.

Прослышав осторожные девичьи шаги, Горын открыл веки и наколол левый глаз южной головы о лучик света, что скользил за гостей. Рассвирепел змий:#

– Что за невидаль в покои вломилась спозаранку? Испить сообрази, если хочешь живой остаться.#

Насобирали девица росу в ладошки, принесла Горыну и молвила:#

– Не серчай, любезный. Не видал ли друга милого?#

– Как же, заходил давеча, да вышел к утру весь. Кикимору искал. Поведал я тропу тайную, а он вылакал всё горючее и был таков. Догнал бы и сжёг дотла, да худо мне, словно свинец чрево тянет.

– Горынушка, помоги, укажи дорогу к разлучнице коварной.#

– Так и быть, но послужить придётся: шей навари, да воды из колодца натаскай.

Возмутилась Ляля, ножкой топнула. Посмотрел Горынушка слёзно. Сжалилась дева над бедолагой, закатала подол, да за работу принялась. Нашинковала овощей, в котёл забросила, солью из порезов на руках приправила. Наелся Горын, напился и радушно проводил красоту: столпом огненным дорогу указал.

Весь следующий день и ночь плутала Ляля по выжженной тропе. Вошло солнце, осветило болото срамное. На берегу Лука с Кикиморой забавлялись: в жиже душистой, словно дети малые, плескались. Суженный с обожанием смотрел на зелёное мохнатое чучело, а та муть со дна забродившую через осоку потягивала и звонко смеялась.

Свело уста Ляли от злости, бросилась с кулаками на супротивницу. Вцепилась в пакли студенистые, вырвала клочок вражеский с самой маковки. Завизжала Кикимора да в девицу обратилась. Ладную, пригожую, с зелёными покровами да тиной в волосах. Закончилась схватка, оглянулись соперницы, а Луки след простыл. В чудо-юдо он обратился, хвостом мелькнул и в камышах скрылся.

Хлебнула Ляля зелье болотное да рассмеялась. Обнялись они с Кикиморой и примирились.

С тех пор Ляля не ходила по лесам, топям и замуж; с улыбкой подружилась, горя и лукавства не знала.

МАЙСКАЯ НЕБЫЛЬ

Месяц заглянул сквозь ставни в хату, подмигнул россыпью серебра, позвал красу на улицу. Весна выпорхнула из-под одеяла, как была, в одной рубашке, простоволосая и босая, выпрыгнула в окно. На пороге стоял самый душистый месяц-травень.

Встретились подруженьки в полночь за околотком. Разгорелись костры от смеха звонкого. Девицы звёзды в косы вплели, нектар цветов полевых пригубили, в хоровод пустились – славить богиню плодородия и всего сущего-Живу.

Закружилась круговерть: извивались станы гибкие, порхали рученьки белые, скользили ноженьки по росе в диком танце. Подняли молодухи звёздную пыльцу подолами. Взбили сумрак в морок. Уборку затеяли: кто косами, кто прутьями выметали нечисть после навъего сна зимнего, огнём очищали. Выползла нежить, да давай рядиться, в женихи Весне свататься.

Выудили девы из мутных вод Водяного. Искупался в огне он и обернулся старцем: бородой тряс, глаза пучил, в трясину Весну хозяйкой зазывал, зельем искушал.

Согнали мётлами с верхушек дубравы Кота-Баюна. Спалил он шкуру на костре, принял обличье добра-молодца: на ушко котяра мурлыкал, сказки о любви брехал, на ручки просился. Метил прохвост Весну, словно суженный.

Развели тучи, посвистом накликали Кощея. Косточки прогрел он в пламени и расцвёл: златом звенел, под венец Весну звал, сулил богатства завещать.

Разбудили в чащобе Соловья-разбойника, задали жару. Предстал он под личиной богатырской: дюжей силушкой кичился, палицей по сторонам размахивал, дубы выкорчёвывал, защиту Весне обещал.

Наскребли по сусекам Лешего. Дух лесной перегнутой стяхнул, в гусяра переродился: песнь у костра затягивал, травку отваривал, Весну потчевал.

С полумесяца чёрта потрясли. Шельма сиганул через пламя, рога волосами прикрыл, хвост в портки припрятал да воспротивился в смотрящих участвовать.

Увидали девицы беса, зарделись ланитами, чуть не передрались за него.

Только хотела Весна разогнать начищенных женихов, поднялся лиловый туман и развеялся морок. Сгнули оборотни – подружки в мужья разобрали. В первых лучах рассветных луга прибрано блестяли, леса улыбались, небеса свежестью дышали.#

Елена Калинина (@ellen_write)

ПРЕДАНИЯ ОРДЕНА КАМЕННОГО КОПЫТА

Преклонив колено стояла Варвара перед Священным камнем. Коснулась отпечатка копыта исполинского да тихо произнесла: «Дай мне сил, бабушка. Не подвела чтобы братьев своих, службу несла во имя добра храбро, не поддаваясь соблазну тьмы да уговорам нечисти».

– Варь, тебя ждут уже все. Дуй давай в лекторий, – раздался за спиной голос зычный. – Вскочила Варвара, обернулась да оглядела брата своего. Устрашающий вид воина с головой козла с четырьмя рогами, устало на меч опирающегося, ее не испугал ни капли. – Беги, а то Архип тебе выволочку устроит за пропуск теории о создании ордена. – Пихнул её братец Святорог да так, что она чуть обратно на колени не хлопнулась.

Птицей полетела Варвара вниз по холму, ворвалась в зал просторный, и услышала как магистр Архип начал рассказ о предках великих.

«Так всё и было. Ослушался братец Иван сестрицу свою да напился из копытца воды заколдованной и обернулся козлоликим уродцем. То злая мачеха подстроила. Изловила она Ивана да в сарае заперла. Обманом заманила Алену к озеру лесному да там и утопила. А Иван успел спрятаться. Видел он, что мачеха наделала, а помочь Алёне никак не мог.

Каждый день приходил Иван на берег поговорить с сестрицей, но скоро перестала отвечать Алёнушка. Сам не свой от страха смотрел Ваня, как меняется в воде его отражение – рога выросли длинные, грудь раздалась, мышцы канатами вились. Сколько ни звал он сестрицу, так и не отозвалась она. Отправился Иван на поиски того, кто поможет ему спасти Алёну и отменить проклятье мачехи. Долго ли коротко бродил он по свету да прознал про ведунью, что поселилась в избушке на болоте. Сказывали люди, что то сама Водяница – жена Владыки рек и озер. Пришел он к ней, рассказал печаль свою. Повинился, что сестрицу ослушался, да не смог защитить её. Слушала женщина внимательно, а как закончил, так и молвила:

– Помогу я тебе, Ваня. Только и ты мне помочь должен. Алёна твоя озлобилась, недоброй дорожкой пошла. Отомстить она мачехе вашей задумала да возжелала могущества. Мы ее как дочь родную приняли, но обманула она меня, медальон колдовской выкрала да выгнала на болото жить, а мужа, Водяного значит, превратила в карася бессловесного. Хочет она подводным миром править, Ванечка, да и на суше порядки свои наводить пойдет, помяни мое слово.

Не поверил Иван, что добрая сестра его козни такие учинить могла. Тогда провела его Водяница в избу, показала зеркало волшебное. Увидел Ваня Алёну – наряжена, причёсана, сидит на троне, будто и правда Царица. Русалки ей прислуживают, а сам Водяной пузыри пускает, да глаза свои караси пучит. Веселится Алена вовсю, да кинжалом острым поигрывает.

Заплакал Иванушка. Тряхнул головой рогатой, стал умолять Водяницу научить его, как расколдовать сестру. Вместе отыскали они траву-мураву, несколько капель водицы живой у Лешего выторговали. Три дня и три ночи готовила Водяница снадобье, что вернёт разум Алёнушке. Да только схитрила она, и живой воды туда не добавила.

Рассказала Водяница Ивану, что выпив той водицы одну каплю, может он снова добрым молодцем обернуться. Да только одну ночь волшебство действует – аккурат накануне Купалы. Сказано – сделано. Отправились они в путь-дорогу, прямо через деревню, где гуляния народные широко развернулись. Разбрелись селяне кто куда, никто не помешал путникам пройти короткой дорогой на другой берег озера. Водяница руками повела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.